

На правах рукописи

ТУПИКОВА Вера Андреевна

**НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
И ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ**

Специальность 5.4.1. Теория, методология и история социологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре социологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Пузанова Жанна Васильевна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Мchedлова Мария Мирановна
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Хайруллина Нурсафа Гафуровна
кандидат социологических наук, руководитель отдела этнической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Арутюнова Екатерина Михайловна

Защита состоится 23 декабря 2025 года в 10:00 на заседании диссертационного совета ПДС 1000.002 на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, а также на официальном сайте организации по адресу: <https://www.rudn.ru/science/dissovet>.

Автореферат разослан ____ ноября 2025 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 1000.002
доктор социологических наук, профессор

Троцук И.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблематики диссертационного исследования

В условиях современного глобализированного мира вопросы национальной и этнической идентичности приобретают особую значимость, особенно для стран с многонациональным составом населения, к которым относится Россия. По данным последней переписи населения, на территории Российской Федерации проживают представители более 190 народов и этнических групп¹, что формирует уникальную социокультурную ситуацию и многомерное этноконфессиональное пространство.

На протяжении последних десятилетий в российском обществе наблюдаются сложные процессы трансформации идентичностей под влиянием таких факторов, как урбанизация, миграция, цифровизация социальных коммуникаций и изменение государственной национальной политики. Эти изменения сопровождаются как укреплением наднациональных идентичностей, так и возрождением локальных этнических самоопределений, что актуализирует необходимость комплексного изучения данного феномена.

Особую значимость исследование аспектов национальной и этнической идентичности приобретает в контексте роста социальной мобильности, активизации миграционных потоков внутри страны и на ее внешних рубежах, а также появления новых форм взаимодействия между этническими сообществами. В этой связи становится важным понять, каким образом россияне разных поколений, регионов и этнических групп конструируют и актуализируют собственную идентичность в условиях социальной изменчивости.

Актуальность темы также обусловлена тем, что этническая идентичность выступает важным регулятором социальных отношений, определяя как индивидуальное поведение, так и коллективные практики. Нередко именно этническая идентичность становится основанием как для интеграции, так и для социальной дистанции, формирования образов «своих» и «чужих». В условиях межэтнического взаимодействия, особенно в полиэтничных регионах России, от характера идентификационных установок зависит качество межгрупповых отношений и уровень социальной стабильности.

Кроме того, в современном социологическом знании сохраняется дискуссионность в определении структуры и функций национальной и этнической идентичности, степени ее изменяемости, роли внешних и внутренних факторов

¹ Итоги ВПН-2020. Т. 5 Национальный состав и владение языками // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

в ее формировании. Несмотря на наличие значительного количества исследований в этой области, остаются нерешенными вопросы влияния современных социальных трансформаций на содержание и проявление этнической идентичности у россиян. По сей день сохраняется концептуальная неопределенность в соотношении категорий «русские» и «россияне». Эти понятия используются как в обыденной речи, так и в научных дискуссиях, однако их содержательные границы остаются размытыми. Это создает дополнительные сложности при изучении национальной и этнической идентичности, так как требует не только эмпирического анализа, но и аккуратной концептуализации терминов, с учетом исторических, культурных и политических особенностей России.

Помимо фундаментальных научных вопросов, в настоящее время в России национально-этническая идентичность вызывает и прикладные вопросы: отношение к мигрантам и гражданским этническим меньшинствам, постсоветские проявления идентичности русских и россиян, вопросы региональной миграции и т.д. Опираясь на данные российских исследований, можно говорить, что особенно эти вопросы касаются младшей молодежной группы (примерно 18–24 года).

Подобная тенденция в целом подтверждаются исследованием ВЦИОМ: в исследовании межнациональных отношений молодежь оказалась группой, наиболее критически настроенной к мигрантам (20%)². Сравнивая данные о проявлениях настороженного отношения к мигрантам, замеряемого количественными опросами, и непосредственно криминального проявления ксенофобии, измеряемого в рамках наблюдения и контент-анализа³, можно говорить о том, что идет рост полярных проявлений: с одной стороны, растет декларируемый уровень толерантности, с другой – растет уровень преступности в отношении мигрантов.

Таким образом, социологическое исследование феномена национальной и этнической идентичности российской молодежи необходимо для практического понимания контекста, в котором формируется будущее большинство населения России, какие вызовы это может за собой понести и какие способы профилактики могут оказаться наиболее действенными.

В рамках данной работы этническая идентичность понимается как осознание и переживание человеком своей принадлежности к определенному этносу, выражающееся в признании общности происхождения, языка, культуры, обычаев, исторической памяти и системы ценностей. Это форма социальной иденти-

² Межнациональные отношения и проблема иммиграции // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnosheniya-i-problema-immigracii>

³ Напр.: База данных // URL: <https://www.sova-center.ru/database>

фикации, возникающая в процессе социализации и поддерживаемая через практики культурного наследования, внутриэтнической коммуникации и символической репрезентации этнического «мы». Национальная идентичность, в свою очередь, включает в себя чувство принадлежности к *гражданской* нации, единству с соотечественниками вне зависимости от этнического происхождения, что связано с общей системой институтов, правовым полем, гражданской культурой и политическими символами. Национальная идентичность формируется в контексте функционирования государства-нации и его идеологического дискурса. Термин «национальная [идентичность]» в рамках данной работы используется взаимозаменяемо с термином гражданская и национально-гражданская идентичность. Также используется термин «национально-этническая идентичность»: феномен интегрированной синтетической формы идентичности, сочетающий в себе элементы как этнической, так и национальной идентичности. Она проявляется в одновременном осознании своей принадлежности как к определенной этнической группе, так и к гражданской нации, с принятием общегражданских ценностей и норм, при сохранении этнокультурной специфики.

Степень научной разработанности проблематики

Исследования национальной идентичности в моноэтнических государствах опирались преимущественно на эссенциалистские подходы, рассматривающие нацию как объективно существующую, исторически сложившуюся и относительно неизменную общность, объединенную общим происхождением, культурой и ценностями. Одним из наиболее последовательных представителей этого направления был У.Коннор, утверждавший, что нация формируется на основе глубинных связей между людьми, прежде всего – кровного родства и общего этнического происхождения⁴.

Конструктивистский подход представлен в трудах Б. Андерсона, который анализировал нацию как символически сконструированное воображаемое сообщество⁵; работах Э. Хобсбаума, исследовавшего роль «изобретенных традиций» в национальном строительстве⁶; а также исследованиях национализма Э. Геллнера⁷.

⁴ Connor W. Ethnonationalism: The quest for understanding. 2018.

⁵ См., напр.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.

⁶ См., напр.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.

⁷ См., напр.: Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991.

В последующем социологический интерес к гражданской идентичности усилился в контексте процессов демократизации, глобализации и этнополитических конфликтов. Ю. Хабермас развил концепцию конституционного патриотизма, в рамках которой гражданская идентичность формируется на основании солидарности, основанной на разделении универсальных демократических ценностей и правового равенства, а не этнического или культурного сходства⁸. Этот подход стал особенно востребованным в многонациональных государствах и в условиях миграции, где вопросы интеграции и признания различий приобретают особую значимость.

Современное понимание национальной (гражданской) идентичности сформировалось в XX веке на основе различий между этническими и гражданскими формами принадлежности. Исследования Г. Кона задали основу различию между этническими и гражданскими нациями⁹. Кон подчеркивал, что гражданская идентичность основывается на общей политико-правовой культуре, равенстве гражданских прав и свобод и коллективном признании политических институтов, в отличие от этнической идентичности, базирующейся на происхождении и культурной общности.

В рамках примордиального подхода этническая идентичность трактуется как глубоко укорененная и объективно существующая реальность, основанная на кровнородственных, территориальных и культурных связях. Классиками данного направления являются Э. Шилз и К. Гирц, утверждавшие, что этнические связи воспринимаются индивидом как данность, наделенная эмоциональной силой и объективной природой¹⁰.

В советской традиции яркими представителями примордиализма были Ю.В. Бромлей¹¹, Л.Н. Гумилев¹² и другие, акцентировавшие этнос как устойчивую, историко-культурную общность, репродуцируемую сквозь поколения благодаря неизменным психологическим и институциональным механизмам.

Структуралистский подход в работах К. Леви-Стросса¹³, и структуралистско-конструктивистский подход российских исследований Ю.Г. Арутюняна и

⁸ См., напр.: Habermas J. Inclusion of the other: Studies in political theory. John Wiley & Sons, 2018.

⁹ См., напр.: Kohn H. The idea of nationalism: A study in its origins and background. Routledge, 2017.

¹⁰ По: Eller J.D., Coughlan R.M. The poverty of primordialism: The demystification of ethnic attachments // Ethnic and racial studies. 1993. Т. 16. № 2. Р. 183–202.

¹¹ Рыбаков С.Е. К вопросу об этническом феномене //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 2. С. 147–156.

¹² Там же

¹³ См., напр.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. DirectMEDIA, 1983.

Л.М. Дробижевой¹⁴, фокусировались на адаптивных функциях этнических практик внутри социальной системы, сочетая гибкость конструктивистского подхода с учетом структурных условий.

В рамках конструктивистского подхода сильнее всего выражается дихотомия «этнос-нация». Например, Р. Брубейкер¹⁵ рассматривал роль политических и институциональных факторов в этнической идентичности. В отечественной традиции В.А. Тишков также развивал конструктивистские представления, рассматривая этнос как результат историко-политического процесса, а не как неизменную данность¹⁶. Э.А. Паин, например определяет себя как «сторонника умеренно-конструктивистской концепции¹⁷»: в его работах признается социально-конструируемая природа этнической идентичности, но при этом учитывается влияние историко-культурных и институциональных факторов, обеспечивающих ее относительную устойчивость в определенных социальных контекстах.

Теоретико-методологические основания диссертации

Диссертационное исследование опирается на социологические и социально-психологические подходы к изучению национальной и этнической идентичности как типах социальной идентичности, такие как теория идентичности, теория социальной идентичности, теория неопределенности идентичности. Методологическая база исследования обусловлена спецификой поставленных задач. В работе использованы общенаучные методы исследования.

Объект: национально-этническая идентичность как социологический концепт

Предмет: теоретические и методологические подходы к исследованию национально-этнической идентичности.

Цель: разработка и апробация подходов к измерению национально-этнической идентичности на эмпирическом уровне.

Задачи:

1. Проанализировать основные теоретические подходы к пониманию социальной идентичности в классической и современной социологической теории, с акцентом на работы, заложившие основы изучения этнической и национальной принадлежности;

¹⁴ См., напр.: Дробижева Л.М., Арутюнян Ю.В. Многообразие культурной жизни народов СССР. 1987.

¹⁵ См., напр.: Брубейкер Р. Этничность без групп. Litres, 2019.

¹⁶ См., напр.: Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

¹⁷ Паин Э.А. Между империей и нацией // Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. С. 15.

2. Систематизировать и сравнить методологические подходы к изучению национальной, гражданской и этнической идентичности, включая зарубежные и отечественные научные традиции;
3. Рассмотреть особенности концептуализации национально-этнической идентичности в российских социологических исследованиях, включая специфику употребления понятийного аппарата и логики измерения;
4. Проанализировать существующих эмпирических исследований национально-этнической идентичности, с выделением методологических стратегий, операционализации понятий и типичных индикаторов;
5. Осуществить исследовательскую триангуляцию для анализа национально-этнической идентичности русских россиян, объединяя данные всероссийского опроса, контент-анализа визуальных художественных медиа и результатов фокус-групп в различных региональных контекстах, с целью выявления маркеров, структур и вариативности идентичности в современной России.

Научная новизна и значимость результатов диссертационного исследования определяется обозначенным выше характером проблемного поля и решением основных задач работы и состоит в:

1. Концептуализации феномена национально-этнической идентичности.
2. Выявлении форм национально-этнической идентичности и их классификации, основанной на характере мотивации к проявлению маркеров.
3. Классификации маркеров проявления национально-этнической идентичности; концептуализации их гибридного проявления в современной России.
4. Проведении комплексного исследования проявлений маркеров национально-этнической идентичности с использованием собственного инструментария и сочетания методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальная идентичность есть социально обусловленное явление, которое формируется и изменяется в процессе социального взаимодействия, носит динамический и контекстно обусловленный характер, требует социальной верификации.

2. Национально-этническая идентичность может принимать как позитивные, конструктивные формы (патриотизм, умеренный национализм), так и негативные, агрессивные проявления (шовинизм, этнический радикализм). В России проявляется амбивалентность гражданской и этнической идентичностей, которые могут одновременно сосуществовать и конкурировать друг с другом.

Эти две формы идентичности не всегда четко разграничиваются, создавая методологические сложности и понятийную неопределенность.

3. К национальной идентичности в качестве маркеров относятся признание формального членства в государстве: гражданство, воинский долг, уплата налогов, доверие к институтам, использование официального флага, гимна и языка, участие в общегосударственных ритуалах, гордость за историю страны и готовность брать ответственность за ее судьбу. К этнической идентичности – индикаторы кровного происхождения, родового или семейного предания, «родного» языка, религиозной принадлежности, традиционных обрядов, акцента, локального фольклора и воспроизводимых в семье обычаев. Часть признаков действует двояко: территория проживания, коллективная память о прошлом, символические представления о «родной земле», а также повседневные нормы вежливости, семейные сценарии и популярная культура способны одновременно подпитывать и национальную, и этническую самоидентификацию. В современной России именно гибридное соединение этих слоев обеспечивает устойчивость больших коллективов, позволяя удерживать баланс между открытой культурной динамикой и потребностью в символическом постоянстве.

4. Классификационная схема маркеров состоит из трех уровней: когнитивный – знание и образ общности, аффективный – эмоциональная оценка и чувство гордости или дистанции, поведенческий – готовность действовать в интересах группы и дистанция по отношению к «чужим».

5. Национально-этническая идентичность русских россиян сегодня проявляется как мягкая, но устойчиво двуслойная конструкция. Она использует гражданскую оболочку для легитимации широкой сплоченности и этнокультурный слой для эмоционального самоукрепления, особенно в периоды неопределенности.

Эмпирическую базу исследования авторское исследование, использующее методы экспертного и массового опроса, фокус-групп, а также исследование с помощью метода контент-анализа.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования способствуют уточнению понятия «национально-этническая идентичность» как гибридная форма идентичности индивидов в мультиэтническом государстве, что в свою очередь способствует проведению эмпирических исследований на релевантную тематику.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в 10 опубликованных автором работах, в том числе в 2 изданиях, входящих в МБЦ (Scopus), и 3 изданиях, включенных в Перечень РУДН. Выводы

и материалы диссертации докладывались и обсуждались на международных и российских конференциях: XVII Международная научная конференция «Сорокинские чтения: Роль социологии в конструировании России будущего» (Москва, 2023); Международный молодежный научный форум «Ломоносов» (Москва, 2023); Всероссийская научная конференция «XVII Ковалевские чтения. Российское общество сегодня: институты, ценности, процессы» (Санкт-Петербург, 2023); Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежь в современном мире: противодействие экстремизму» (Москва, 2022) и др.

Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования – работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, характеризуется степень изученности проблемы, теоретико-методологические основания диссертационного исследования, его объект, предмет, цель и задачи.

В первой главе **«Национально-этническая идентичность: теория и методология исследования»** представлен обзор трактовок понятий «идентичность» и «социальная идентичность», «национально-этническая идентичность», рассмотрены разные теоретические и методологические аспекты изучения национально-гражданской и этнической идентичности.

Первый параграф посвящен **«Феномену идентичности в социальных науках: классическим теориям и современным подходам к изучению»**. Анализ классических теорий идентичности, представленных в тексте, позволяет выделить несколько концептуально важных положений, которые задают рамки для интерпретации феномена идентичности в социальных науках. Во-первых, несмотря на различия в терминологии, методологических установках и исследовательских стратегиях, все рассмотренные авторы сходятся в признании того, что идентичность – это не врожденное, а социально формируемое и изменяющееся образование. Она возникает в результате взаимодействия субъекта с социальной средой, приобретая устойчивость или, напротив, изменчивость в зависимости от особенностей этих взаимодействий.

Социально-психологические концепции развили представления о зависимости идентичности от социальных структур, коллективного признания и групповой принадлежности. Э. Эриксон показал, что идентичность динамична и проходит кризисные этапы, а ее устойчивость обусловлена способностью субъекта

интегрироваться в социальное окружение. А. Тэшфел и Дж. Тернер в рамках теории социальной идентичности акцентировали внимание на когнитивных и мотивационных механизмах, связывающих принадлежность к группе с формированием позитивной самооценки. Их подход выводит идентичность из исключительно межличностных рамок и помещает в контекст групповой динамики, межгруппового взаимодействия и борьбы за статус.

Классическая социология добавляет нормативный и структурный ракурс. Э. Дюркгейм связывает формирование «я» с коллективным сознанием и ритуальной солидарностью, подчеркивая, что ослабление интеграции порождает «эгоистическое самоубийство». В структурно-функциональной схеме Т. Парсонса личность интериоризирует «статусно-ролевые» предписания, а социализация становится условием системного порядка. Тем самым идентичность выводится из индивидуальной психики и помещается в институты.

Перевод фокуса на процесс конструирования реальности осуществляют П. Бергер и Т. Лукман: они описывают диалектику экстернализации, объективации и интернализации, в которой идентичность легитимируется через социализацию и повседневное подтверждение. На микроуровне этот механизм уточняют теории символического интеракционизма. Ч. Кули формулирует концепт «зеркального Я», Дж. Мид вводит дихотомию «I – Me» и принцип «принятия роли другого», а Э. Гоффман трактует социальное взаимодействие как театральное «представление», где фронт и управление впечатлением задают рамки личного образа.

Работы С. Страйкера интегрируют интеракционизм с социальной структурой, предлагая иерархию ролевых идентичностей, где поведение определяет «салиентность» и степень «приверженности». П. Бурдье расширяет анализ, связывая самоопределение с позиционной борьбой в полях и габитусом как системой инкорпорированных диспозиций, а Э. Гидденс показывает, что в условиях рефлексивной модерности индивид превращает самописание в «проект», призванный компенсировать онтологическую неуверенность.

Современные разработки акцентируют процессуальность и реляционность. Р. Дженкинс выделяет три уровня идентификации – индивидуальный, социальный и коллективный – и подчеркивает, что категоризации отражают асимметрии власти. Теория неопределенности идентичности М. Хогга добавляет мотивационное измерение: люди ищут группы с высокой энтитативностью ради снижения неопределенности, что объясняет привлекательность фундаменталистских и популистских движений.

Второй параграф «Теоретико-методологические подходы к исследованию национально-гражданской и этнической идентичности» систематизи-

рует зарубежные и отечественные теоретико-методологические линии, объясняющие, как формируются и измеряются национально-гражданские и этнические идентичности. Начало обзора задает этнонационалистическая перспектива У. Коннора: он утверждает, что ядро нации составляют «бессознательные» представления о кровном родстве, которые не сводимы к рациональным институтам государства. Э. Геллнер связывает рождение высоких национальных культур с индустриальной модернизацией и системой массового образования; Б. Андерсон показывает, как «воображаемое сообщество» собирается в рутине печатного капитала; Э. Смит критикует чистый модернизм, настаивая на «досовременных этносах» и роли мифо-символических ресурсов. К этой тройке примыкают Э. Хобсбаум с концепцией «изобретенной традиции» и М. Биллинг с тезисом о «банальном национализме», повседневно вшитом в медийные обращения «мы – они».

Второй кластер моделей выводит идентичность за пределы этнокультуры. Ю. Хабермас формулирует концепцию конституционного патриотизма: сплоченность постнационального общества обеспечивается согласием граждан вокруг демократических процедур, а не этнической однородности. Психологи Р. Костерман и С. Фешбах, а также Р. Шатц и Э. Штауб различают «слепой» и «конструктивный» патриотизм, тем самым вводя шкалу нормативной оценочности национальной привязанности.

Оппозицию конструктивистам составляет примордиалистская линия. В ней этнос понимается как естественная, исторически стабильная общность, где язык, религия и миф о происхождении задают неизменные границы «своих». Критика приходит от К. Гирца: он признает силу «примордиальных привязанностей», но демонстрирует, что без институциональных стимулов и элитной мобилизации этничность не становится политически значимой. Альтернативой выступает структурно-функциональная антропология А. Редклиффа-Брауна, трактующая «племя» как совокупность институтов, а не «кровный организм», и структурализм К. Леви-Стросса, который видит истоки этнических различий в бессознательных культурных кодах.

Современные конструктивисты смещают внимание на границы и ситуации. Ф. Барт показывает, что устойчивы не культурные, а социальные границы между «мы» и «они». Р. Брубейкер предлагает анализировать этничность «без групп»: реальными являются моменты, когда политический дискурс или насилие превращают категорию в коллективного актора.

Вторая часть параграфа демонстрирует, как эти подходы были реализованы в России. Советская триада «племя – народность – нация» задала эволюционную схему, но постсоветские дебаты вышли за ее пределы. Л. Н. Гумилев ввел

природную метафору пассионарных волн, С.М. Широкогоров – «психоментальный комплекс» и биопсихический цикл этногенеза, Ю.В. Бромлей разделил устойчивый «этникос» и изменчивый «этносоциальный организм». В.А. Шнирельман сместил фокус на политический миф и борьбу за символический контроль над прошлым; А.Г. Здравомыслов предложил релятивистско-реляционный анализ нации как результата множественных актов классификации, а Э.А. Паин описал смену гражданского, имперского и демократического смыслов «русскости».

Эмпирические российские исследования показывают, что гражданская и этническая идентичности сосуществуют как части «пакета» самоопределений. Л.М. Дробижева фиксирует рост российской гражданской идентичности при сохранении этнопсихологических барьеров; В.А. Тишков демонстрирует множественность локальных «русскостей» и несовпадение деклараций с практиками; В.А. Ачкасов, З. В. Сикевич и Р. Э. Бараш подчеркивают роль «фигуры Другого» и политики памяти в мобилизации групп.

Таким образом, параграф констатирует методологический плюрализм: примордиальная, модернистская, этносимволистская и релятивистская перспективы дополняют друг друга в объяснении гибридных форматов идентичности.

Во второй главе **«Измерение национально-этнической идентичности большинства: эмпирические аспекты»** представлен обзор эмпирико-методологических оснований к изучению национальной и этнической идентичности, а также приведены результаты авторского эмпирического исследования.

В первом параграфе «Анализ эмпирических исследований национально-этнической идентичности: результаты, методологические направления и концептуальные тенденции» демонстрируется, как за последние три десятилетия сравнительная социология конвертировала абстрактное чувство «мы» в наблюдаемые индикаторы и проверяемые гипотезы. В центре внимания находится дилемма, сформулированная У. Беком: имеет ли смысл измерять национальную идентичность в эпоху «текучего» космополитизма. Полемизируя с этой позицией, М. Биллинг показывает, что «банальный национализм» продолжает воспроизводиться через повседневные речевые маркеры, визуальные ритуалы и укрепление границ.

Классическим остается тезис о необходимости «заземления» идентичности в эмпирических атрибутах: место рождения, акцент, школьные учебники, газетная лексика. Показательно, что Э. Калхан, развивая линию Б. Андерсона, подчеркивает роль «воображения»: чтобы нация считала себя уникальной, она должна постоянно сравнивать и отличать себя от других. Именно здесь возникает концепт «повседневного национализма», который М. Працинакис и Г. Вал-

лем иллюстрируют на примере греческих и немецких протестов против «категориального предательства» элит, признавших постсоветских мигрантов «своими». Граждане, не будучи «националистами» в традиционном смысле, на деле практикуют селективное включение и исключение, тем самым подтверждая идею Р. Брубейкера о контекстной активизации групповых границ.

В прикладной плоскости проблему операционализации решают через обращение к «нетипичным» кейсам. Л. Патерсон, Д. МакКрон и Ф. Бэкхофер исследуют шотландских землевладельцев, лишенных привычных маркеров места рождения: чтобы легитимировать статус, они вынуждены «зарабатывать» идентичность демонстративным служением стране. Географический аспект раскрывается на пограничных территориях, где конкурируют альтернативные модели самоописания; здесь критерии принадлежности варьируются от прозрачных (акцент) до сложнопроверяемых (родословная).

Эмпирические схемы нередко взаимно «скрещивают» макро- и микроуровни. Т. Блэнк комбинирует авторитаризм, аномию и общую самооценку, показывая, что именно авторитарные установки сильнее всего предсказывают националистическую гордость у немцев после воссоединения. Р. Уттен с коллегами экспериментально демонстрирует, что восприятие грядущего демографического «сжатия» большинства усиливает чувство угрозы лишь у тех, кто легитимизирует привилегированный статус своей группы, подтверждая гипотезу социальной идентичности о взаимосвязи статуса, легитимности и страха.

Британские исследователи С. Фентон и Р. Манн переносят фокус на бытовое измерение. В интервью белые англичане активируют национальную риторику скорее при обсуждении распределения ресурсов, чем при прямом вопросе о «британскости». Ключевым мотивом оказывается идея «заслуженного права»; симптомы мажоритарного отвращения выражаются в жалобах на «утрату очереди» и «невежливость».

В параграфе также фиксируется, как российские опросы ВЦИОМ и ФОМ, изначально не настроенные на идентичностный замер, невольно отражают динамику маркеров. В 2004 г. сочетаются толерантная риторика «общего дома» и запрос на жесткий контроль миграции; в 2014 г. чувство национальной ответственности сдвигается из сферы гражданской практики в линию родословной; к 2024 г. эмоциональный патриотизм фиксируется через рост показателей гордости и любви при одновременной «тени» межэтнической проблематики. Исследование традиционных ценностей ФОМ выявляет высококонсенсусное семейно-патриотическое ядро и зоны раскола (аборты, атеизм, межконфессиональные браки), показывая, что культурные коды идентичности остаются полем напряженного переговорного процесса.

В итоге первый параграф подтверждает тезис о «многовекторном» характере национальной и этнической идентичности: она одновременно банальна и конфликтна, институционализована и ситуативна, конструируется элитами и практикуется «снизу».

Во *втором параграфе «Национально-этническая идентичность: опыт социологического исследования»* рассматриваются результаты эмпирической части диссертационного исследования, которые структурно разбиты в диссертации на три пункта, которые соответствуют этапам проведения эмпирического исследования: экспертная оценка и всероссийский опрос, контент-анализ визуальных художественных медиа, фокус-группы со студентами Москвы и Уфы (сравнительный анализ).

Экспертная оценка включала в себя проведение экспертного опроса и фокус-групп для выявления маркеров сплоченности в контексте национально-этнической идентичности. В ходе количественного опроса было опрошено 58 экспертов – специалистов некоммерческого сектора из различных сфер (руководители и сотрудники культурных, религиозных, образовательных, социальных, этнических, спортивных и краеведческих организаций). Для проверки содержательной насыщенности категорий «сплоченности» и уточнения их семантических границ были проведены две онлайн фокус-группы с частью тех же экспертов, участвовавших в количественном опросе.

Эксперты вывели в топ-3 значимости общность взглядов, готовность к взаимопомощи и высокий уровень доверия. Сторонники высокой сплоченности подчеркивали внутренние добродетели (ответственность, любовь к Отчизне) и системные условия (национальная идея, обратная связь власти).

Синтез полученных данных этапа экспертной оценки позволяет уточнить внутреннюю структуру категории «сплоченность». Во-первых, она мыслится через три взаимодополняющих измерения: ценностное согласие, практику совместного действия и эмоционально-нравственную готовность к взаимопомощи. Во-вторых, дискурсы «оптимистов» и «скептиков» расходятся по акцентам: первые опираются на нормативную целостность и институциональные символы, вторые – на процедуру согласования различий и потенциал гражданского участия. В-третьих, факторная модель, предложенная экспертами, подчеркивает центральность доверия и общих взглядов, но одновременно указывает на необходимость макрополитических условий – наличие национальной идеи и эффективной коммуникации государства с гражданами.

Всероссийский онлайн-опрос был направлен на эмпирическую верификацию категории «социальная сплоченность» как маркера национально-этниче-

ской идентичности. Опрос проведен в июле 2023 г. и охватил 1095 респондентов; выборка носит исследовательский характер, однако включает представителей всех федеральных округов и основных социально-демографических страт.

Опрос показал, что сплоченность общества формируется на основе сочетания поведенческих и когнитивных факторов, где готовность к взаимопомощи приобретает более значимый характер, чем формальные связи. Ключевыми объединяющими основаниями выступают территориальная принадлежность, язык и государственность, что подтверждает значимость национально-гражданской идентичности при ослаблении религиозного фактора. Доверие распределяется по модели близости: оно прочно на уровне микросоциальных связей, но ограничено в отношении более широких сообществ. Социальная активность населения демонстрирует поколенческое различие: молодежь в большей степени вовлечена в волонтерские практики, тогда как старшие группы склонны к институциональному участию. При этом альтруизм сохраняет статус ключевого мотива участия в общественно-политической жизни.

В целом результаты всероссийского опроса указывают на высокий уровень социальной сплоченности при сохранении внутренних напряжений, связанных с региональными и поколенческими различиями, а также на значимость ценностей взаимопомощи и доверия как основы общественной устойчивости. Итоги опроса подчеркивают следующее: во-первых, россияне различают ценностно-символическую и практическую стороны сплочения, отдавая приоритет последней; во-вторых, макроидентификация опирается на языково-территориальные маркеры, но сохраняет пространство для гражданского самоназвания; в-третьих, высокий декларируемый уровень солидарности сочетается с тревожностью и селективным доверием, указывая на «многослойную» природу общественного единства.

Контент-анализ визуальных художественных медиа среди молодежной группы демонстрирует, что телевизионный репертуар в праздничные периоды выступает инструментом кратковременной эмоциональной консолидации, обеспечивая эффект «rally-round-the-flag». Массовый просмотр патриотического и культурного контента создает синхронное чувство единства и подтверждает лояльность символическому центру.

Контент-анализ выявил три модели репрезентации русскости. Будничная модель транслирует образ общества через уязвимость и амбивалентность, где ценность обретает стойкость и поддержка в малых сообществах. Праздничная модель строится на иронической ностальгии: она показывает русскость как терпимость к несовершенству, а гармония достигается через семейный консенсус.

Патриотическая модель, концентрированная вокруг 9 мая, формирует канон дисциплины, долга и жертвенности, поднимая национальную идентичность на уровень миссии.

Для молодежи эти модели становятся гибкой матрицей интеграции глобальных ценностей в локальный нарратив, где телевизионный эффект усиливается цифровыми ремиксами и мемами. Однако высокая доля негативных будничных сюжетов может ослаблять долгосрочное доверие, что указывает на необходимость более точного баланса репертуара и учета этнокультурного разнообразия. Таким образом, телевидение одновременно воспроизводит устойчивые символические конструкции и демонстрирует пределы их эффективности в укреплении социальной солидарности.

Фокус-групповое исследование было ориентировано на выявление взаимосвязи между сплоченностью и конфигурациями национальной идентичности в молодежной среде. В дискуссиях приняли участие студенты двух контрастных локальных контекстов – полиэтнической столицы субъекта Федерации (Уфа) и многонационального мегаполиса (Москва).

Ключевой вывод касается двойственного характера национальной самоидентификации. Уфимские студенты склонны к инклюзивной модели принадлежности, где этническое разнообразие воспринимается как естественное и не требует институционального закрепления. Сплоченность здесь понимается как латентный ресурс, актуализируемый в ситуациях внешнего давления, а этничность остается бытовым маркером, значимым преимущественно в семейных практиках.

Московская группа демонстрирует эксклюзивное и эмоционально насыщенное понимание «русскости», что усиливает потребность в коллективных формах подтверждения идентичности. Волонтерские инициативы и университетские проекты становятся площадками регулярного воспроизводства национальной принадлежности. Этничность при этом артикулируется как «ядро» личной идентичности, а культурная адаптация возлагается на «других», хотя нейтральные городские практики сглаживают эти границы.

Сравнение показало два механизма связи идентичности и сплоченности. В Уфе она строится на межличностном доверии без опоры на институты, тогда как в Москве – на организованной активности и ритуальном подтверждении принадлежности. Оба типа демонстрируют ограниченность доверия за пределами узких сетей, что снижает потенциал расширенной гражданской солидарности. Наконец, образ «внешнего врага» усиливает кооперацию в столичном контексте, но остается абстрактным для уфимских студентов.

Обобщенный результат эмпирического исследования заключается в том, что молодежная национальная идентичность не детерминирует автоматическое

расширение гражданского доверия; она проявляется в двух альтернативных режимах. Инклюзивный режим опирается на гражданско-культурный минимум и минимизирует эмоциональные затраты, создавая «растворимое» единство. Эксклюзивный – насыщает принадлежность аффектом и задает институционально оформленные каналы коллективного действия, но одновременно конструирует более жесткие границы с «не-своими». Эти результаты эмпирически подтверждают гипотезу о многоуровневой и контекстуально обусловленной природе национально-этнической сплоченности и подчеркивают необходимость учитывать локальные культурные поля при разработке программ гражданского воспитания и политики межэтнической гармонизации.

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования и намечены направления дальнейших исследований в обозначенном предметном поле.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях автора:**

В изданиях, включенных в МБЦ

1. Тупикова В.А., МисяUTOва Е.А., Мурзинов Л.Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 25. № 2. С. 425–437 (**Scopus**).
2. Тупикова В.А., Гудкова Я.А., Овчинников-Лысенко Е.Г. Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3. С. 579–589 (**Scopus**)

В изданиях, включенных в Перечень РУДН

3. Тупикова В.А., Зуенко И.П. Теоретические предпосылки формирования теории демократической организации труда // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5. С. 64–71.
4. Тупикова В.А., Масюк Ю.С., Смирнова Е.А. Концептуализация феномена негативной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 82–89.
5. Тупикова В.А. Теория социальной идентичности в изучении формирования экстремистских групп: обзор релевантных исследований // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 88–92.

В других научных изданиях:

6. *Тупикова В.А.* Первичная типологизация институционального (государственного) насилия на основе существующих теоретических работ и исследований // *Коррекционно-педагогическое образование*. 2021. № 30. С. 244–252.
7. *Тупикова В.А., Гудкова Я.А.* Сплоченность в России: теоретические аспекты и экспертная оценка // *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции*. СПб.: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. С. 388–392.
8. *Тупикова В.А.* Историческая память в России: институциональный аспект // *Переустройство мира: исследования (в) новой реальности: Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции*. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 52–55.
9. *Гудкова Я.А., Тупикова В.А.* Негативная идентичность горожанина: дихотомия идентичности приезжего студента // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов»* / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2023.
10. *Тупикова В.А.* Предпосылки изучения институционального насилия в России // *XVI Фестиваль науки в Москве: Сб. ст. студентов, аспирантов и молодых ученых факультета гуманитарных и социальных наук*. М.: РУДН, 2021. С. 306–316.

Тупикова Вера Андреевна
Национально-этническая идентичность:
концептуализация, методологические принципы и подходы к измерению

Диссертация посвящена разработке и апробации комплексной методологии измерения национально-этнической идентичности большинства в современной России. Теоретическая часть систематизирует классические и современные концепции социальной, национально-гражданской и этнической идентичности, выделяет ключевые маркеры принадлежности и обосновывает необходимость мультиуровневого анализа. Эмпирический блок включает три взаимодополняющих исследования. Во-первых, сочетание экспертного опроса и массового онлайн-опроса, которое позволило количественно и качественно оценить распространенность основных маркеров идентичности и параметров общественной сплоченности. Во-вторых, контент-анализ праздничного и будничного медиапотока фильмов и сериалов для аудитории 18–35 лет, выявивший эмоционально-сюжетные режимы репрезентации «русскости». В-третьих, сравнительные фокус-группы в национальной республике и многонациональной столице, уточнившие, как локальный контекст модифицирует самоописания и практики солидарности. Интеграция результатов обеспечивает верификацию маркеров идентичности на различных уровнях, демонстрирует их взаимосвязь с формами сплоченности. Даны рекомендации по дальнейшему мониторингу и практическому использованию методологии.

Tupikova Vera Andreevna
National-ethnic identity:
Conceptualization, methodological principles and approaches to measurement

The dissertation is devoted to the development and testing of a comprehensive methodology for measuring the national-ethnic identity of the majority in contemporary Russia. The theoretical part systematizes classical and contemporary concepts of social, national-civic and ethnic identity, identifies key markers of belonging and justifies the need for a multi-level analysis. The empirical section includes three complementary studies. First, a combination of expert surveys and mass online surveys, which made it possible to quantitatively and qualitatively assess the prevalence of key markers of identity and parameters of social cohesion. Second, a content analysis of holiday and everyday media streams of films and TV series for audiences aged 18–35, which revealed the emotional and plot modes of representation of ‘Russianness.’ Thirdly, comparative focus groups in a national republic and a multinational capital clarified how the local context modifies self-descriptions and practices of solidarity. The integration of the results verifies identity markers at various levels and demonstrates their interconnection with forms of solidarity. Recommendations are given for further monitoring and practical use of the methodology.